

Авторские записки Рябининой Любови Васильевны (схиомонахини Феодосии)

Господи, благослови! Родилась я 21 января 1949 г. в селе Марьевка, Панинского района, Воронежской области, в бедной семье плотника-столяра Рябинина Василия Филипповича (1923 г.р.). Вместе со мной на свет появилась близнецовая сестра Надя, прожившая недолго, она умерла крещеной в возрасте 1 год 1 месяц. Мама Рябинина Пелагея Прокофьевна (1925 г.р.) до нашего рождения работала начальником сельского почтового отделения. Папа был верующим, когда мать его Пелагея провожала его в семнадцать лет на войну в 1941 г., то дала ему крестик нательный, он его берег всеми судьбами (хотя тогда было зазорно советскому солдату иметь его), носил то в карманчике, то в случае проверки зашивал в пилотку, и при каждой смене одежды строго следил чтобы он не пропал, т.е. выпарывал и вновь зашивал его в новую пилотку. Демобилизовался папа из Армии после победы, придя домой с этим крестиком. Часто он рассказывал, как эта святыня хранила его во всех опасностях на войне (в каких ужасах он только не оказывался и на каких фронтах только не был!). Воевал он и под Москвой, и в Польше, на Белорусском фронте, был под Сталинградом, довелось ему побывать и в Германии. Только один раз за всю войну его контузило. После войны еще три года прослужил в Армии. Придя в 1948 г. домой женился на маме. Дом, оставшийся от его отца Филиппа, погибшего на войне и умершей в войну матери, для жилья был почти не пригоден. Но отец сам его отремонтировал и стал жить в нем своей семьей, хотя и в бедноте, но в своем доме. Наша мама была также из бедной семьи, со своей сестрой Раисой они остались круглыми сиротами еще детьми, когда маме исполнилось семь лет, а ее сестре — пять. Им даже приходилось нищенствовать, ходить по ближайшим селам просить кусок хлеба. Мать их Елена умерла при родах,

когда маме было 3 года, а сестре Раисе 1 годик. Какое-то время их воспитывал отец Прокопий, стараясь растить дочерей в благочестии, воспитывал и кормил их. А потом его взяли на войну, и там он погиб.

Когда мой папа вернулся из Армии, то встретился с мамой, сделал ей предложение, и они поженились. Она же, выходя замуж, усердно молилась Богу, чтоб Господь послал им здоровых деток, и дала обет всех пустить на свет Божий, т.е. не уничтожать abortами зачатых во чреве детишек. Так в семье родилось 10 детей: два сына и восемь девочек.

Моя сестра Надя и я родились первыми, и когда пришла двоюродная сестра мамы посмотреть на нас малышей, то сказала: «Надя хорошая, а Люба мне не нравится, такая маленькая, и вид у нее монашки». Надя была спокойной, а я часто плакала. Впоследствии я спросила у старца о. Виталия (Сидоренко): «Почему так?» Он ответил: «Во-первых, уже тогда у тебя намечался монашеский путь, который всегда сопровождается слезами, скорбями..., а во-вторых, развивался голос для пения-прославления Бога». До сих пор я пою на клиросе.

В советское время духовную литературу трудно было достать. У нас был только старенький краткий молитвослов. Папа с мамой где-то взяли почитать Библию. Не знаю, за какой срок (но, думаю, не на долго им дали), они попеременно день и ночь переписывали ее и постепенно всю ее скопировали. Потом в руки им попала «Священная история», и эту книгу они переписали. Когда мне было два с лишним года, мама тяжело заболела. Надя тогда уже умерла, но родилась сестренка Валентина. Маму отправили (как сказали врачи, надолго) в Воронеж в больницу. Все родные посоветовали папе сдать нас в приют — детский дом, что он и сделал. Но

Схимонахиня Феодосия

месяца через три папу вызывали забирать выздоравшую маму, а в детский дом за нами отправили дядю Васю — мужа маминой сестры, для того чтобы мама не волновалась о детях, когда приедет домой. Но дядя Вася привез только меня одну, сказав, что Валя в приюте умерла и что в дороге он потерял свидетельство о смерти. На самом деле Валю удочерили работавшие в детдоме муж с женой, хорошо заплатив дяде Васе за молчание. Эти люди вскоре уволились и уехали оттуда. Но об этом мы узнали впоследствии, когда умерли наши родители, следы же Валентины затерялись, и мы так не смогли найти ее.

Совсем маленькой впервые услышав материное слово, очень хотелось повторить его, и когда шепотом произнесла его, то сама испугалась того, как это было страшно. Когда мне было годиков 4 или 5, мальчик постарше меня — лет десяти-двенадцати — дразнил меня тем, что доставал из бокового кармана блокнот с карандашом и говорил: «Сейчас запишу тебя в колхоз». А я

бежала от него в паническом страхе, не знаю почему. Хотя никаких дурных слов о колхозах до того я ни от кого не слышала.

В школе, когда я училась в первом классе, у нас были сдвоенные классы 1-й и 3-й, 2-й и 4-й, так как было две учительницы и одна комната, в результате дети ходили и в первую, и во вторую смену. Помню 21 апреля, третьеклассников принимали в пионеры, им повязывали красные галстуки, а я со страхом смотрела на этот кусочек красной материи. После занятий, идя домой, я обернулась назад и, увидев мальчика из третьего класса с галстуком на шее, бросилась бежать без оглядки от этого развевающегося на ветру галстука, таким страшным он мне показался. Мальчик же, наверное, подумал, что я от него бегу, и припустился за мной, а я со слезами и дрожа от страха прибежала домой.

Жили мы бедно. Мама часто читала Евангелие, где-то она достала его, такое старенъкое. Частенько приходили соседи послушать чтение вслух. Как-то мама прочитала о том, что надо подавать милостыню нищим. Эти слова мне запомнились. Я вообще старалась все запоминать и делать, как написано. У нас в округе ходила бездомная нищая «Петровна» и ей-то я решила потихоньку отнести оладьи, которые мама нажарила для нас. Я старалась все сделать тихо, незаметно, вынося из дома оладьи по нескольку штук, и в результате отдала всё, чем лишила пищи, как позже выяснилось, дня на три всю семью. В это время нас было пятеро детей и двое взрослых. Ведь мама из последней муки сделала нам эти оладьи.

Мама была нищелюбивой. Ходили у нас по ближайшим селам побирались две нищенки: слепенькая Тоня (впоследствии схимонахиня Александра) и ее поводырь слабовидящая Марина (впоследствии схимонахиня Матрона). Мама всегда их привечала, чем могла кормила. Вот они-то и привели маму с папой в храм, так как мама, зная об обновленцах, считала, что все храмы теперь обновленческие и туда нельзя ходить. Но наше село Марьевку часто посещал наш родственник и земляк иеросхимонах Серафим (позже схиигумен Митрофан), человек, почтаемый мамой, и она в эти дни спешила к нему обратиться: кого-то из детей окрестить,

В. Ф. Рябинин, П. П. Рябинина с дочерью Л. В. Рябининой (второй ряд)

кого-то причастить. Наши странницы, слепая Тоня и Марина, стали спрашивать, венчанные ли наши родители. Мама говорит: «Нет. Храм от нас в 20 километрах, да и можно ли в него ходить?». Странницы многое ей рассказали и убедили, что надо повенчаться иходить в церковь. Мне было лет десять, когда папа с мамой на велосипеде съездили и повенчались в храме Михаила Архангела в селе Малые Ясырки, в ту пору когда там уже служил иеросхимонах Тихон. Какие же радостные, облагодатственные они вернулись оттуда! С этих пор мы стали часто ходить в этот храм. Где подъедем попутными машинами, где дойдем пешком. Потом я подросла и стала ездить на велосипеде, но не одна: на раму и на багажник сажала малышей. Водили мы с мамой детей в храм попеременно, в одно воскресенье едет с ними мама, а в другое — я. Самых маленьких, которые не могли сидеть на раме и багажнике, возил папа. На багажник привязывал ящик, посадит туда ребенка и так возил причащать. Храм был единственным моим утешением, всей моей жизнью. С первого посещения я стала запоминать последовательность богослужения и далее, подпевая любительскому хору, очень много выучила наизусть тропарей, молитв, кондаков... Хор у нас

состоял в основном из монашек, собравшихся из закрытых в округе трех монастырей. Среди них было немало опытных стариц, к одной из них я обратилась за советом. Поскольку я подпевала хору возле клироса, уполномоченный по делам церкви, сделал священнику предупреждение. Я обратилась к великой старице — прозорливой схимонахине Михаиле и поведала ей, что хочу в монастырь, на что та ответила: «Сейчас только три женских монастыря, но туда новых людей не принимают, да и не с твоим здоровьем находиться в монастыре». Тогда я стала просить матушку благословить меня хотя бы уборщицей трудиться при храме, она отвечает: «Не с твоим здоровьем, ты будешь в храме псаломщицей». Я говорю: «Матушка, да ведь я устав почти не знаю, да и петь самостоятельно еще не могу». На что мне матушка говорит: «А как Роман Сладкопевец?» — и рассказала мне его житие. Самой мне прочитать тогда житие этого святого было негде, книг-то церковных не было. Так прокляла она мне о служении псаломщицей за шесть лет до того, как я стала ею.

В 1964 г. 25 декабря умер наш старец схимигумен Митрофан (Мякинин), к которому я часто ездила. Похоронен он был в с. Михайловке

Панинского р-на, около могилы своей матери Дарьи, которая умерла, когда он был еще маленьким. Воспитывала батюшку недоброго нрава мачеха. Много горя и издевательств он от нее перенес. Из-за этого он рано ушел из дома, жил в Михайловке у духовных людей, черничек, прошел долгим трудным путем духовного возрастаия в Киево-Печерской лавре, потом в Нило-Столобенском монастыре, до его закрытия, а в годы войны взял на себя, по Божьему откровению, подвиг затворничества. Как старец, он являлся духовником большого числа духовных чад: все монашенки в округе окормлялись у него, по моим подсчетам, человек 250, но были среди духовных чад и миряне. И все они очень скорбели, когда прощались с батюшкой. Он сам благословил их перейти после его кончины под руководство своих учеников. К таковым можно отнести: иеросхимонаха Власия (позже схимархимандрита Макария (Болотова)), иеросхимонаха Тихона (прот. Василия Золотухина), иеросхимонаха Валерия (схемархимандрита Серафима (Мирчука)), иеросхимонаха Иоанна (позже схимархимандрита Виталия (Сидоренко)), схиеромонаха Нифонта (Санталова), иеромонаха Никона (ныне епископа Липецкого Никона (Васина)), иеросхимонаха Питирима (прот. Александра Бородина), иеромонаха Варсонофия.

В 1965 году я окончила 10 классов в Михайловской школе Панинского р-на Воронежской обл. Пришла за благословением в с. Малые Ясырки к иеросхимонаху Тихону с вопросом «что делать дальше?». Он благословил попоститься две недели, особо помолиться и почтать акафист Божьей Матери, чтоб Господь указал мне дальнейший путь. Вместе со мной молился и сам батюшка. После двух недель мы подошли к чудотворной иконе Богоматери «Скоропослушница», находящейся в Архангельском храме, помолились и трижды бросили жребий: «учиться дальше» или «не учиться». Жребий выпал «не учиться».

21 января 1966 года мне исполнилось 17 лет. А 26 января схимонахиня Варахиила и о.Тихон благословили мне ехать устраиваться служить псаломщицей в с. Красная Долина Курской обл., так как в нашем храме уполномоченный не разрешал девушкам становиться на клирос. Меня направили к работнице храма матушке Александре, чтобы она вместе с батюшкой, настоятелем храма, мне помогла устроиться трудиться при церкви. Но здесь необходимо сказать о другом, поэтому вернусь к более ранним событиям. С окончания школы я обратилась к псаломщику с. Малые Ясырки Дворядкину Ивану Сергеевичу, чтобы он показал мне некоторые гласы. Он меня

принял доброжелательно, давал мне почитать «Ермологий», «Богослужебные указания», показывал, как петь гласы, объяснял Устав, а потом проверял мои знания. Я многое выписывала для памяти, прежде чем вернула книги. Так что я к тому времени была уже, хотя и липовый, со шпаргалками, но псаломщик.

Приехала в Малую Долину с маленьким чемоданчиком, где были только самые необходимые вещи. Матушку Александру не нашла, а сразу встретилась с батюшкой, который был рассержен — его куда-то переводили — он что-то резко кричал в адрес матушки Александры, но меня все-таки покормили и, видя мои мокрые ноги и валенки, дали теплые ботинки и направили в Старый Оскол, в Стрелецкую церковь, так как там не было псаломщика. Вернее, батюшка написал записку Иванновой Анастасии Ивановне (схимонахине Афродисии), которую хорошо знал. Написал он так: «Анастасия, посылаю к тебе квалифицированного псаломщика, проверь ее и устрой в Стрелецкую церковь» (а она служила псаломщицей у благочинного о. Анатолия Богута, в Стрелецкой церкви «на Гумнах»). Очень уставшая я побрела назад в Кастроне на станцию, шла полем, вдоль леса, встретила, как мне сначала показалось, стаю собак, бежавших от меня метрах в 200. Я со слезами стала молиться и вдруг услышала волчий вой, после чего волки резко свернули в сторону и удалились. Я еле добрела до вокзала и вскорости, уже затемно, села в поезд, идущий в Старый Оскол. Анастасии Ивановны дома не оказалось, но меня приютила на ночь ее соседка Мария, жившая рядом. Утром я была уже в нужном мне доме. Анастасия еще читала утреннее правило, она и меня тут же пригласила почтать 17-ю кафизму из полунощницы, чтобы убедиться, насколько бегло и хорошо я читаю. Затем мы пошли с ней в храм на Гумны, помню, что праздновалась тогда церковная память святой равноапостольной Нины. Анастасия Ивановна представила меня благочинному о. Анатолию, и он, видя перед собой молоденькую девчонку, сразу заметил, что «Сорочкин (Белгородский уполномоченный) не допустит такую молодую до клироса». Вечером у некоей прихожанки уже другого — Ильинского (Ездоцкого) — храма я познакомилась с замечательным человеком, любвеобильнейшим прот. Владимиром Оттом, который с необыкновенной теплотой и духовной лаской беседовал со мной и пригласил «пощаще бывать у него». В дальнейшем я стала близкой к нему, он много помогал мне руководством, порой материально, к тому же, как прекрасный знаток

Церковного Устава, дал мне возможность хорошо изучить Великопостную службу. С двумя моими знакомыми девушки — Любой Захаровой и Тамарой Дурневой — мы приходили к нему на занятия (в свободное от службы время), изучали Евангелие, Послания с толкованием. Вскоре он купил нам каждой по детской фисгармонии, и мы принялись за познание нотной грамоты. Каждое воскресение мы присутствовали на вечерне в храме о. Владимира, а после нее пели вместе с певцами-любителями молебный канон Богородице и акафист Спасителю нараспев, стоя посредине храма. Все это было так торжественно! Затем мы — молодежь левого клироса — подходили к батюшке за благословением, одновременно разрешая какие-то важные для себя вопросы. Он был очень простой в общении и очень доступный: в любое время мы могли подойти к о. Владимиру, в храме или у него дома, исповедовались, беседовали, учились. Его послушница Маруся также радушнейший человек, всегда привечала нас, оставляла на трапезу с батюшкой. Обычно после трапезы и проходили беседы.

Отец Владимир был человек необыкновенный: высокообразованный, глубоко верующий, наискромнейший в поведении. Даже порой и необходиимого не попросит. Как-то мы сели, помолившись, обедать, батюшка уже благословил стол, у всех все было налито и поставлено. Мы начали кушать, а батюшка стал говорить что-то на духовную тему. Маруся говорит: «Батюшка, кушайте», а он в ответ скромно: «Да, да, Марусенька, сейчас», — и снова беседует, опустив руки. Через некоторое время Маруся повторила просьбу, а когда мы взглянули на батюшку, то увидели, что у него нет ни ложки, ни вилки. Маруся забыла положить их, а батюшка по своей скромности не попросил. Бывало, если залетит в комнату муха, он так осторожненько накроет ее стаканом, затем не торопясь, в бумажке вынесет ее на улицу и выпустит на волю. Маруся как-то стала жаловаться: «Вот мышь завелась в кладовке, все запасы поест, надо ее отравить». А батюшка ей отвечает: «Что ты Маруся, как можно ее убивать, она же живая — тварь Божия!». А Маруся настаивает: «Батюшка, да она же один вред приносит!». — «Она вред наносит, потому что есть хочет, а сколько человек вреда приносит: убивает скотинку, режет пороссят, телят, птиц, рыбу умертвляет..!». Вообще мы никогда не видели о. Владимира гневающимся, рассерженным, грубым, даже строгим его не припомню. Всегда ровный, умиротворенный, неизменно ласковый в любых обстоятельствах. Всегда спокойно вразумит, разъяснит с любовью. А ведь он был в ссылке

17 лет, и никогда об этом даже не обмолвился. Вследствие пройденных ссылок он был очень болезненный, но никаких жалоб, даже внешним видом он не подавал, все терпеливо сносил сам. Мы видели, как его обижали и словами, и делами, а он вел себя, как будто ничего плохого не происходило. Перед смертью из-за плохого здоровья (плохое зрение) он был отправлен за штат. И в эти годы он был терпелив и кроток.

Но вернувшись к более ранним событиям, касающимся моего устройства на работу. 28 января к вечеру я пришла в Троицкую (Стрелецкую) церковь, была суббота. В храме знали, что приехала новая псаломщица. Меня попросили зайти в сторожку, находившуюся тут же, через дорогу от храма, там меня ожидали староста Михаил Андреевич и настоятель, старенский архимандрит отец Мелетий, который и жил здесь же.

Настоятель задал мне вопрос: «Сколько тебе лет?» И когда услышал, что только 17, категорично ответил: «Принимать не надо, потому что, во-первых, уполномоченный нас накажет, а, во-вторых, она еще ничего не знает, придется еще ее учить». А староста вдруг говорит: «А я ее беру; а чтобы уберечься от гнева уполномоченного, мы ее проведем уборщицей в сторожке, где она и будет жить. А что молодая, пусть она сейчас маловато знает, но зато через годик-другой может стать опытной псаломщицей, так еще нам будут завидовать. Ведь она с молодых лет стремится к церкви, это же самое важное». В те годы власть в приходских храмах была не у настоятелей, а у старост и церковного совета, священник же и дьякон с псаломщиком считались лишь «наемниками». Вот почему слово старосты оказалось решающим.

Анастасия Ивановна и ее мать Елена Емельяновна (монахиня Елена) хотели, чтоб я какое-то время пожила у них, но о. Владимир посоветовал мне срочно перебираться в сторожку, пока меня берут в храм. И я перешла жить в сторожку. Меня провели по бумагам, как и сказал староста, уборщицей в сторожке и положили зарплату 40 руб. в месяц. Стала я посещать клирос и привыкать понемножку к местным напевам, также Устав Богослужебный стала по-настоящему изучать. Для этого я брала книги в сторожку, разбирала службы до поздней ночи, благо все книги были в моем распоряжении. Что было не понятно, то спрашивала у о. Владимира Отта. По Божьей милости и с Божьей помощью я быстро изучила Устав и напевы и уже смело управляла хором. Через месяц, после того как я поселилась в сторожке, написала родителям о своих обстоятельствах, после чего папа привез мне подушку и

одеяло, которые родители получили как помин по схиигумену Митрофану, своих-то дома на всех не хватало, при нашей бедности.

Жили мы в сторожке с архимандритом Мелетием в холоде, топить особо было нечем, шелухи от подсолнечника засыпаешь в плиту, а какой от нее жар, вспыхнула и погасла. Так вот сожжешь мешков 3-5 этой лузги, плита становится чуть-чуть теплая. Готовили еду на керосинке. 40 рублей моей зарплаты кончались быстро, покупала на них только кое-что поесть. А одежду приходилось носить одну и ту же, привезенную из дома. Продуктами иногда помогал о. Владимир: то крупы нам подкупит и передаст вместе с кастрюлей. Недалеко от нашего храма жил в одиночестве заштатный протоиерей Иоанн Попов, глухой уже, очень простой в общении. Иногда попросит, чтобы я готовила ему обед и я с удовольствием его кормила. Отец Иоанн получал крохотную пенсию 50 руб. в месяц. Однажды пришел, принес мне всю пенсию 50 руб. и говорит: «Купи себе пальто, а то это у тебя совсем позорное, а я обойдусь с едой как-нибудь, с огорода буду питаться, пока есть овощи». Я добавила к этим деньгам еще 20 руб. и купила себе синее зимнее пальто, которое потом долго носила. Иногда люди помогали продуктами. Как-то я готовила борщ, к нему второе и написала маме письмо о том, как я хорошо живу. Чего только у меня нет!

Отец Владимир не благословлял меня года три-четыре ездить к родителям, в пору, когда о. Мелетий уезжал в отпуск за Харьков к родным и не было службы. Отец Владимир говорил: «Не надо, Любочка, ездить туда, а то учителя и власти безбожные могут тебе вред принести». Я очень скучала по своим краям, по родным, но ради Бога все терпела. Со своей стороны атеисты там не дремали, искали меня, куда девалась школьная отличница. Подали запрос в Старый Оскол, где я и чем занимаюсь. Им ответили, что в храме проведена уборщицей, а работаю псаломщицей. В моей родной 1-й Михайловской школе по этому слушаю собрали детей на «линейку» и директор произнес речь: «Из нашей школы вышли представители самых разных профессий: и врачи, и учителя, и, представьте, — даже церковные работники! Это — позор, что мы не досмотрели за Любой, поэтому надо особенно внимательно смотреть за семьей Рябининых». Полетели жалобы в Старый Оскол, чтобы горсовет обратил на меня внимание. Вызвали меня на беседу. Прихожу, вижу: сидят человек шесть присутствующих, которые стали задавать мне вопросы. Начала я по порядку рассказывать о своей многодетной, бедной семье,

о своей школе. Потом члены комиссии один за другим начали говорить о необходимости дальше учиться, стали предлагать помочь при устройстве на приличную работу. Все настаивали, чтобы я ушла из храма, стала обычным советским человеком. Но я отказывалась от всех этих предложений и настаивала на том, что по собственной воле пошла трудиться в храм. Когда я уходила из кабинета, то мне рекомендовали никому не рассказывать о прошедшей беседе. Я вся дрожала от страха. Потом меня вызывали еще два раза, и опять велись разговоры о новой хорошей работе, о том, что я сама себя в молодом возрасте обрекаю на ужасную жизнь, и т. д. Держалась я твердо, но было очень страшно. После службы я подошла к иконе Казанской Божьей Матери, стала на колени и стала просить Матерь Божью, чтобы эти люди отстали от меня. Это заметила одна из клирошанок, Клавдия Марковна, женщина мудрая, и стала меня спрашивать о причине моей слезной молитвы. Я долго не хотела говорить о причине моих слез, но она обещала никому не рассказывать о моей тайне. Я поведала ей о том, что меня беспокоит. Клавдия Марковна дала мне мудрый совет: чтобы я напомнила тем людям, которые со мной беседовали, что я уже совершеннолетняя (мне было уже 19 лет), и мое желание непреклонно, что страна у нас свободная, и если они будут меня принуждать, то я буду жаловаться в Москву. После этого, когда я в очередной раз вошла в кабинет, где меня ожидала комиссия, то быстро выпустила все эти слова и тут же, вся дрожа от волнения, выбежала, а на улице разрыдалась от пережитого испуга. Но, слава Богу, больше меня никто уже никуда не вызывал. Но в городе мне не раз еще приходилось выслушивать насмешки и укоры от жителей, которым просто не нравились мой платочек, длинная юбка, кофточка с длинными рукавами, словом, весь мой внешний вид церковного человека.

А в это время, когда меня принуждали уйти из церкви, на моей родине в Воронежской обл. в районной газете «Путь Октября» напечатали статью под названием «А все могло быть иначе». В статье говорилось о том, как неправильно ведут себя местные власти и учителя в отношении нашей семьи. «Семья бедная, многодетная, ей обязательно надо помогать, чтоб эти люди надеялись не на помочь Божию, а на поддержку людей. И учителям надо их особенно внимательно воспитывать». Директора школы из-за меня сняли, моей бывшей классной руководительнице сделали строгий выговор. Папа же мой, взял эту газету и отправился к директору совхоза,

чтобы тот распорядился выписать нам для дома шифера на крышу, наша соломенная все время текла. И директор дал распоряжение, выписать и привезти шифер для Рябининых.

Вскорости я стала ездить к старцу архимандриту Серафиму Тяпочкину. Часто приезжала к нему за советом и утешением. Батюшка считал меня своим духовным чадом, потом я узнала про болеющего Алексея в Старом Осколе, ходила к нему в ту пору, когда только единицы могли его посетить, так как власти грозили его отобрать у матери Елены Никаноровны (схимонахини Сергии). И мы старались к нему приходить незаметно, если направлялись втроем, то подходили по одному, через некоторые промежутки времени. Иногда огород помогали его маме копать.

После ухода о. Мелетия за штат, по его телесной слабости и старости, за короткий срок много сменилось священников в нашем храме: по-человечески людей разного поведения и духовного состояния. Были среди них и безнравственные личности, так что мне даже пришлось уйти на квартиру недалеко от храма, потому что соседство в одной сторожке с моим соседом стало опасным. Потом ко мне приехали две сестры: Нина, которая устроилась в городе на кондитерскую фабрику, а позже — Зоя. Зоя сначала от столовой пирожки продавала, а затем ее взяли в столовую поваром. Все мы жили в той квартире, которую я снимала. Я продолжала ездить к иеросхимонаху Тихону (Золотухину) в Малые Ясырки, помогала ему как псаломщица в дни своего отпуска. Ездила также в Троице-Сергиеву лавру, где обращалась за советами к о. Тихону (Агрикову, позже схиархимандриту Пантелеимону), о. Науму, о. Кириллу (Павлову). Отец Тихон Агриков первый благословил меня четочками-тридцаточкой и сказал, что «путь твой монашеский».

Иногда в дни моего отпуска вместе с о. Тихоном (Золотухиным) ездили к о. Власию (Болотову, позже схиархимандриту Макарию), так же и летали на самолете в Грузию к владыке митрополиту Зиновию (Мажуге, позже схимитрополиту Серафиму), бывали у о. Андроника (Лукаша), оттуда добирались до Сухуми к схиархимандриту Серафиму (Романцову). Все эти глинские старцы недавно прославлены в лице святых. Мои их почивают в родной им Глинской пустыне. Там же, в Грузии, я познакомилась со схиархимандритом Виталием (Сидоренко). Отец Виталий, еще до рукоположения в иерейский сан, часто приезжал к о. Макарию (Болотову) и к нашему иеросхимонаху Тихону (Золотухину). В это время он делал для люстры-паникадила в нашем храме восковые свечи. В ту пору я

переехала на постоянное место жительство из Старого Оскола в Ясырки к о. Тихону и могла там месяцами общаться с таким выдающимся подвижником, как о. Виталий.

Этот был смиреннейший и любвеобильный человек. Он готов был всем, даже самому порочному человеку, поклониться до земли, ножки поцеловать, чем нередко и приводил людей к исправлению. Он часто рассказывал как бы о себе, о своих мнимых пороках, но этим обличал того, кому рассказывал что-то поучительное. Отец Виталий начинал свою монашескую жизнь совсем молоденьким послушником в Глинской пустыни и пробыл там вплоть до закрытия ее, а потом, по благословению старцев, жил в горах Кавказа. Из-за отсутствия документов он часто арестовывался, истязался милицией, которая избивала его ужасно. Был он очень больным.

6 апреля 1971 года я приняла иноческий постриг (рясофор) у о. Тихона (Золотухина), после чего батюшка стал настойчиво просить меня исполнить благословение старцев и перейти к нему служить в храм. В январе 1972 г. я выехала из Старого Оскола, чтобы начать постоянно трудиться при храме Архистратига Михаила в с. Малые Ясырки, рядом со своим духовым отцом. Службы здесь, конечно, отличались от обычных приходских полнотой, благоговением, строгостью исполнения Устава. В Ясырках еще оставалось немало монастырских матушек, духовных чад о. Митрофана (Мякинина), и это также вносило свой молитвенный настрой. Конечно, и тут у меня не обошлось без скорбей и наветов от завистливых людей, но батюшка мне помогал. Я была самая молодая, и о. Тихон старался поселять во мне больше духовного, часто брал в паломничества по святым местам, в поездки к старцам, чем возбуждал у некоторых людей на приходе злобу и негодование. Они распускали про меня всякие небылицы и наговоры. Отец Виталий перед моим приездом в Малые Ясырки дал мне десять носовых платков, сказав: «На тебе, сестра, эти платки, придется все их перемочить в слезах!». И вправду я часто плакала и унывала, много думала: «Ведь всем же стараюсь сделать хорошо, что же они так восстают на меня?». Батюшка с матушкой утешали меня как могли.

Мне не раз приходилось слышать от своего духовника о. Тихона множество рассказов о его жизни. Начну с биографии. Родился батюшка 12 июля 1916 года на станции Курбатово Воронежской губ. в многодетной семье железнодорожника Золотухина Прокопия. Мать Александра по многодетности не работала. Прокопию Золотухину как железнодорожнику полагалось на год

два бесплатных билета, и его жена на эти билеты смогла повозить детей с их самых ранних лет по святым местам, монастырям и старцам. Эти поездки были памятны и дороги детям, поэтому из восьми детей почти все стали глубоко верующими людьми, только один вырос безбожником-атеистом. Три сестры Золотухины, как и сам батюшка Тихон, приняли схиму, один из братьев, еще молоденцем попав под поезд, был глухой. У одного из братьев — Лаврентия — было десять детей, и все выросли верующие. Сам Лаврентий читал и пел на клиросе в Воронеже. Внук от дочери Веры сейчас насельник Троице-Сергиевой лавры.

Мать о. Тихона читала старшим детям жития святых, Евангелие... Как-то маленький Василий (так звали о. Тихона в миру) услышал, что один юродивый ходил зимой и летом босиком и раздетый. Когда родителей не было дома, он решил попробовать этот подвиг, выбежал на снег в морозный день на улицу, а старшие нарочно заперли дверь изнутри. Мальчик постоял, стал мерзнуть, начал прыгать, чтобы согреться, долго прыгал, пока братья ему не открыли. Услышав слова «непрестанно молитесь», Василий стал думать, что мама учит молиться перед едой и после. Тогда он решил так: помолится и крошку хлеба возьмет, скушает и опять молится после еды, и так, стараясь, чтоб молиться всегда по крошке класть в рот хлеб. Когда Василию было лет шесть, мать послала его с сестрой Ксенией (впоследствии схиигуменья Серафима) на речку полоскать стиранное белье, чтоб он смотрел за сестрой, которой было 7 лет. Ксения полоскала, а Василий толкал палкой кадку, и вдруг он промахнулся мимо кадки и плюхнулся в ледяную воду под бочку. Сразу вспомнил он как его учили всегда в трудную минуту читать молитву «Богородице Дево...». И он мысленно сразу начал читать молитву. А Господь вразумил Ксению взять шест и водить им в воде до dna около бочки, а мальчика — схватиться за шест, и так она вытащила брата и спасла от смерти.

В школе Василий учился на отлично и поведения был примерного, только вот, как считали учителя, «мешал» ему, как и всем детям его семьи, «опиум для народа» — вера в Бога. Своей веры в Бога он не скрывал в школе, часто выступал против атеистических высказываний отдельных педагогов, так что доходило даже до споров.

После окончания десяти классов Василий поступил в ленинградское военное училище, затем в институт. В эти годы он женился на Путятиной Вере, которую в пору ухаживания сумел убедить в истинности православной веры и

даже воцерковить. Она бросила в печку свой комсомольский билет, стала ходить в храм, чем вызвала поначалу сильное раздражение и гнев своей матери Матроны Никифоровны. Впоследствии о. Тихон сумел привести не только к вере, но и к монашеству свою тещу и ее сестру Анастасию. Матрона скончалась схимонахиней Нилой, а сестра ее — монахиней Феофанией. После женитьбы Василий Прокопьевич Золотухин собирался поступать в военную академию, но Великая Отечественная война нарушила все планы. Его забрали на фронт, а дома уже без него родилась дочка Валерия и, прожив только шесть месяцев, скончалась.

Жена о. Тихона Золотухина Вера после воцерковления и переезда в Воронеж стала обращаться к старцам и старицам. Так, когда она узнала поближе прозорливую схимонахиню Серафиму (Белоусову) Мичуринскую, то спросила у нее: «Матушка, скажите о жизни Васи моего». Та ответила: «У Васи твоего большая книга, написанная золотыми буквами, и запечатана она семью печатями, одно только скажу, что он будет великим человеком». Тогда Вера в мыслях осудила матушку: «Говорят, прозорливая, а я и так знаю, что будет он великим, когда закончит военную академию». То есть оценила слова старицы земными мерками.

Во время войны Василий Прокопьевич попал в плен к фашистам и находился в лагере где-то на Украине. Было ему там очень трудно, кормили совсем плохо: варили какую-то грязную нечищенную свеклу и по половнику каждому выдавали этого пойла. Человек по двадцать каждое утро выносили умерших от голода. А работы были физически тяжелые, отдыхали мало, и люди не выдерживали, умирали от истощения. Василий постоянно молился, особенно просил Богородицу вывести его отсюда живым и увидеть всех родных. И дал обещание, если останется живым, то уйдет в монастырь.

Как-то после работы вечером подошел он к охраннику из числа русских, перешедших на сторону немцев, и, усердно молясь Матери Божьей, спросил: «Степан, если я пойду на волю, ты выпустишь меня? Не будешь стрелять?». «А тот (как выразился батюшка) смотрел на меня отсутствующими стеклянными глазами, какие бывают у только что убитой скотинки, и покачал головой, показав, что не будет стрелять». И Степан его выпустил. Василий шел мимо охранника и читал молитву «Богородице Дево, радуйся», каждую секунду ожидая выстрела. Но выстрела не последовало, а когда Василий обернулся, то лагерь был уже далеко...

Старец Феодор Воронежский

Ночью он шел в своей арестантской одежде, а днем отлеживался в поле в хлебах. В какой-то украинской деревне зашел в хату и попросил покушать, на что старушка промолчала, но жестом показала: «Уходи от нас». Вдруг Василий услышал приглушенный кашель деда на печи. Как врач он сразу поставил диагноз: «Дедушка, вы так серьезно расхвораетесь, температура повысится, будете сильно потеть, вам необходимо принять такие-то лекарства». Старик отвечает: «А откуда вы знаете, что у меня за болезнь и как ее надо лечить?» Василий ему ответил, что по профессии он врач. Тут подошла старушка и, показывая руки, спросила: «А у меня что за болезнь?» Василий отвечает, что

это экзема, и написал ей, как ее лечить. Тогда дед слез с печи и уже миролюбиво обратился к жене: «Давай, бабка, ужинать». Покормили Василия хорошо, расспросили: откуда и куда он бредет. Василий рассказал всю правду. Старики оставили его ночевать, а на следующий день бывшего арестанта переодели, и рано утром дед повез его на телеге на станцию. Старик собирался туда на базар. Документов никаких у Василия, конечно, не было. На станции он зашел в комендатуру, и здесь с ним случилось еще одно чудо: он нашел бумажку с напечатанными на машинке словами «Золотухин Василий Прокопьевич 1916 г. рождения». В коридоре сидело много людей, потом вышла из какого-

то кабинета женщина и объявила: «Кому пропуск, давайте документы». Василий, непрестанно молясь, подал эту бумажку. Через некоторое время женщина опять появилась и назвала его фамилию. Он думал, что сейчас его арестуют, но она выдала ему напечатанный пропуск, с которым Василий и доехал до дома. Родные его не узнали, так он был изможден и изменился даже на лицо.

Вскоре война закончилась, Василий устроился на автозавод. Про свое обещание стать монахом он пока не вспоминал. Как-то он шел с работы и на мосту через реку вдруг увидел мчащихся прямо на него пару лошадей, от которых нельзя было свернуть в сторону. В самый последний момент он заметил, что перед лошадьми с распростертыми руками стоит блаженная Феоктиста и кричит: «Стойте, схимник Вася идет!», и лошади встали как вкопанные.

Особо следует сказать об отношениях о. Тихона с воронежским старцем Феодором. Жена батюшки Вера Васильевна узнала о «дедушке Феодоре» раньше мужа и после общения со старцем стала звать к нему и Василия. Но он проявлял осторожность, не сразу согласился, говоря: «Вот, какого-то деда нашла». Но потом все-таки пошел. Старец с ним побеседовал и говорит: «Все, теперь снимай свою форму военного и переодевайся в мою одежду (послушнице велел снять с чердака свой потрепанный тулул, шапку, наложили на тачку всяких старых тряпок) и вези на левый берег (а это с Пешестрелецкой улице в Воронеже через весь город) и обратно, а ты Вера с ним иди под руку». Жена была одета в красивую одежду, с модной шляпой на голове. Василий подчинился, пошел. Рассказывал, что видя эту процессию, люди смотрели и смеялись. Для офицера это было огромное испытание! Когда они вернулись, дедушка Федор сказал: «Великий будет человек!».

Батюшка, о. Тихон (Золотухин), хорошо знал схиигумена Митрофана. Как-то о. Митрофан вызвал его и говорит: «Пора тебе исполнить обет, данный при уходе из плена, рассчитывайся и быстро уезжай в Почаевский скит, тайно, так как Вера тебя не отпустит». Василий так и сделал, не сказав ничего ни жене, ни старцу Феодору. Вера нашла дома лишь небольшую записку: «Я уехал, и меня не жди и не ищи. Вася». В эту ночь старец Федор сказал своей послушнице, чтобы та не запирала на ночь дверь, так как к ним ночью придет Вера. Та прибежала к старцу Федору поздней ночью вся в слезах. Он ее утешал, но сказал, что не знает, где Василий, надо молить-

ся и ждать. А Василий жил в Почаевском скиту послушником и провел там три года в радости духовной. Как человеку грамотному настоятель скита дал ему послушание писаря. Зная конституционные права, Василий помогал составлять бумаги, помогавшие ограждать скит от нападков богооборцов. Духовником Василия в скиту был скитский старец иеросхимонах Николай, которому он помогал в переписке с духовными чадами и всеми, кто писал старцу. Вскоре в скиту поселился афонский старец отец Кукша (ныне преподобный Кукша Одесский). Отцу Василию добавили послушание келейника у отца Кукши. Два с половиной года Василий пребывал рядом с этим великим старцем.

К этому времени жена Вера сумела найти мужа среди насельников скита. Отстоять его не удалось, так как наместник Почаевской лавры архимандрит Севастьян побоялся огласки, к тому же на инона Василия у него был зуб из-за того, что тот помогал отстаивать свободу скита. Архимандрит вообще был против существования этого скита, считая, что лавры вполне достаточно. Так нашелся формальный повод к увольнению Василия из числа братии скита, и тот по благословению старцев возвращается домой, в Воронеж. По приезде он уговорил Веру принять иночество, а сам по предложению митрополита Воронежского Иосифа был рукоположен в 1952 г. на Воздвижение в сан иерея и назначен настоятелем в село Малые Ясырки Эртильского района Воронежской области. В храме Архистратига Михаила он прослужил более 30 лет. Часто ездил в Ячейку Эртильского района к о. Митрофану, к о. Кукше в Залещеки и в Одессу, а также в Воронеж к старцу Федору.

Старец Федор благословил о. Василия (к тому времени уже иеромонаха Серафима) купить две комнатки в доме, где жил старец, чтобы, приезжая в Воронеж, жить с ним под одной крышей.

Когда старец Федор перед кончиной, уже тяжко больной, собрал для прощания свою паству, в том числе из числа духовенства, среди них был и о. Василий. Старец с трудом встал и поклонился ему в землю, благодаря за что-то «последующее», как он выразился. Все удивились: «Чтобы это значило, что такой старец и самому молодому священнику поклонился?». Вскорости старец Федор скончался. Отец Василий служил часто панихиды у гроба, а когда несли его останки в Никольский храм на отпевание, то о. Василий всю дорогу шел с гробом и служил панихиды. Многие из священников побоялись властей и не пошли хоронить старца. Простого же народа было очень много, все движение по городу остановилось. Власти

неистовствали! С этого времени уполномоченным было строго приказано хоронить духовенство только на катафалке и ни в коем случае не нести гроб на руках. Отца Василия несколько раз вызывал уполномоченный и вел беседы, но сделать ничего не мог, храм в Ясырках был и так самый бедный и самый отдаленный. Вот за этот поступок и благодарил старец Феодор батюшку низким поклоном.

В 1960-х годах батюшка узнал глинских старцев: владыку Зиновия (Мажугу, в схиме схимитрополит Серафим) из Грузии, схиархимандрита Андronика Лукаша, схиархимандрита Серафима (Романцова), схиеромонаха Виталия (Сидоренко). От митрополита Зиновия батюшка принял схиму с именем Тихон, в честь святителя Тихона Задонского. А инокиня Вера, супруга батюшки, стала монахиней Верой (скончалась 11 декабря 1982 года). Похоронили ее в с. Малые Ясырки. Видно Господь исполнил ее желание: когда она приехала в Ясырки, то сказала: «Как мне нравится этот храм, село, я готова здесь умереть и быть похороненой». Когда она умерла, ей выкопали могилку в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого р-на, где были похоронены все родные о. Тихона и ее мать схиомонахиня Нила, но шел дождь и была такая грязь, что нельзя было выехать, поэтому пришлось хоронить монахиню Веру в Ясырках. А в ночь после похорон ударили мороз, так что, все кто смог приехать на похороны матушки Веры, на утро уехали домой.

У о. Тихона много было духовных чад. В такое захолустье, как Малые Ясырки, ехали к нему отовсюду, особенно после кончины старца схиигумена Митрофана (Мякинина), когда немало чад его перешло к о. Тихону. К батюшке ехали со многих областей: Челябинской, Оренбургской, Белгородской, не говоря о близлежащих территориях. В ясырском храме совершались ночные бдения и постриги. Сам о. Тихон был человек очень скромный, он не хотел даже, чтобы окру-

Схиомонахиня Феодосия с братом – иноком Лукой – на могиле духовного отца иеросхимонаха Тихона

жающие знали, что он монах, поэтому многие до самой кончины батюшки продолжали считать его белым священником о. Василием.

А как он переживал за каждую душу! Ночами молился. И если кто оступится, сугубо молится за такого человека, убеждает его. Скрывал свою прозорливость, но многое провидел. Зимой наш храм не отапливался, стоял страшный холод, а я иногда попрошу: «Батюшка, так холодно, может быть, не надо каждый день служить, будем в тепле все вычитывать на правиле?». А он: «Иди-ка, матушка, посмотри на святцы, чья память завтра?». Я отвечаю: «Таких-то святых». Он: «И что они тебе сказали?». Я в недоумении молчу: что они могут сказать? А он продолжает: «Они

говорят: „Мы подвизались, мы мучились, достигая Царствия Небесного, а вы не хотите немного потрудиться“». «Простите, Батюшка», — отвечаю я на его слова. И опять служим. Он как-то раз приходит со службы и говорит: «Сегодня у меня на Великом входе руки так зашипало, что в голове помутилось, и я мысленно стал просить Господа, чтобы не уронить Дискос и Чашу и чувствовать, как теплеют, теплеют руки и стало тепло всему телу».

Сколько раз я удивлялась его прозорливости. Обычно, когда была свободная, в то время, когда ему необходимо было поехать в Воронеж, я отправлялась к маме в Марьевку, это от Ясырок километров двадцать. Нужно было пройти четыре километра до автобуса. Прошу у батюшки благословения идти в с. Борщево на автобус, а он не благословляет. «Попозже», — говорит. Я ему: «Батюшка, идти один час, а в два часа идет уже автобус — я же опоздаю». А он все равно не благословляет: «Подожди». Я про себя уже ропщу: «Батюшке хорошо, за ним машина придет, а мне каково?». Часа в три он говорит: «Ну, теперь иди!». Я иду, но ропщу, думая ночевать до идущего на утро автобуса. Дохожу до остановки и вижу, что идет автобус. Оказывается, мой. Оказалось, что он поломался, и пока его ремонтировали, я и подошла. И так было не раз. Возвращаюсь я в храм, а батюшка меня спрашивает: «Ну что, роптала на меня?». «Да, —

говорю, — роптала». А батюшка поучает, как надо предаться в волю старца.

В то время я была худенькая, а мне одна матушка подарила пальто очень широкое, и я стала просить батюшку отдать его кому-нибудь, на что он сказал, что пальто мне пригодится самой, когда я буду полной. И вот уже после его смерти я, действительно, стала полной.

Другой случай. Мамину двоюродную сестру схимонахиню Марфу на Страстной седмице батюшка стал срочно провожать домой за пятнадцать километров. Она удивляется: «Почему меня батюшка со Страстной и Пасхи удалил?» Приехала она домой, а там ее маму — инокиню Марию — парализовало, и ей пришлось ухаживать за мамой целый месяц, пока та не умерла и не была похоронена.

Многие духовные чада батюшки жили строго по его благословению. Многие надеялись, что если делать по благословению, то все будет идти как по маслу, а уж если ослушаешься, то жди беды. Каялись, конечно, за ослушание.

Умер Батюшка 18 января 1987 г. Он перед кончиной непрерывно крестился последний крест положил тихо, выдохнул, улыбнулся и отошел ко Господу. Пальцы правой руки были сложены троеперстно, так его и схоронили, не разомкнув перстов. Он всегда молился, чтоб Господь дал ему поболеть подольше, чтоб очистить ся от грехов. И он болел пять лет перед смертью.

